

Диспозиция ч. 3. ст. 14.5 КоАП Республики Беларусь предусматривает, что данная норма применима, только *если указанные действия послужили основанием для освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов, или снижения их размера*. Определение таможенного транзита имеет указание на то, что таможенный транзит осуществляется без уплаты таможенных пошлин, налогов.

Указанные деяния следует квалифицировать как покушение на административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст.14.5 КоАП Республики Беларусь. Однако ст. 2.3 КоАП Республики Беларусь предусматривает, что административная ответственность за покушение на административное правонарушение наступает в случаях, прямо предусмотренных статьями Особенной части.

Предоставление в таможенные органы документов, содержащих недостоверные сведения о фактурной стоимости товаров при таможенном транзите, имеет ряд особенностей, которые следует отметить:

1) указанные деяния, как правило, совершаются умышленно, с целью уклонения от таможенных платежей при последующем декларировании и помещении товаров под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления;

2) носят латентный характер;

3) предоставлению документов в таможенные органы предшествует приготовительная деятельность (сбор информации, совершение фиктивных торговых операций, создание условий для совершения правонарушений и т.д.).

Таким образом, целесообразно дополнить ч. 3 ст. 14.5 КоАП Республики Беларусь положением о покушении на административное правонарушение.

Е. В. Ананевич
БГЭУ (Минск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЙСТВИЯ LEX VOLUNTATIS В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Одним из возможных вариантов интерпретации автономии воли в рамках международного частного права является попытка прочтения данного базисного начала через механизм фундаментальных прав и свобод человека.

Данный подход с методологической точки зрения содержит ряд опасных последствий для вполне устоявшейся классической концептуальной парадигмы международного частного права, имеющей в своей основе институты государства и территории. Идея плюрализма, в том числе правового, характерная для современных модификаций

идеи глобализационного пространства, создает почву для многочисленных точек зрения, которые могут быть положены в основу правового обоснования и аргументации. Плуралистическая основа глобализационной матрицы в случае международного частного права не просто порождает количественные изменения (потенциальный рост конфликтов между правовыми порядками), меняется в первую очередь качественное измерение самого понятия «конфликт».

Конфликт (в рамках понимания роли коллизионного права — разрешение столкновений различных правовых порядков, претендующих на урегулирование конкретных отношений) переходит из разряда «исключения» в категорию «правила». Он становится имманентным — перманентной, всепроникающей чертой правового ландшафта. Это не просто маргинальные ситуации выхода за территориальные пределы правовых систем. Помещение категории конфликта в самую сердцевину глобализационной правовой матрицы становится исходной точкой рассуждений методологического характера. Прежде всего, претерпевает преобразование проблематика так называемого порога — значительно затрудненного определения того, что является «международным», «трансграничным» в противовес чисто внутреннему.

Концепция глобализационного пространства предполагает, что столкновения между различными системами не ограничены правом, которое государственно воплощено и территориально связано, поэтому нет необходимости искать баланс интересов, выраженных в различных правовых системах по-разному, в зависимости от того возникли ли они в границах территории одного государства и имеют ли рамки коллизионной проблемы. Происходит существенная трансформация самой методологии разрешения возникающих противоречий в сфере международного частного права: классические приемы, методы и техники, присущие разнонаправленному и однонаправленному подходам разрешения коллизионных противоречий, если не нивелируются полностью, то в значительной степени низводятся до простой роли, хотя и обусловленного историко-правовой традицией, но все же весьма нейтрального в содержательном плане правового инструментария. Сами же коллизионные противоречия, возникающие в связи трансграничным столкновением прав и норм, снимаются в рамках других, более современных, сильных и политических принципов, таких как федерализм (например, свобода рынка и движения капитала в едином европейском экономическом пространстве) и права человека. Предлагаемая методологическая парадигма разрешения коллизионных конфликтов использует в качестве возможных форм взаимного приспособления конкурирующих норм, прав и интересов охрану таковых, координацию и конкуренцию на основе механизмов пропорциональности (*proportionality*) и взаимного признания (*mutual recognition*). В таких условиях существенно трансформируются все базовые принципы международного частного права, в том числе и принцип автономии воли. Автономия воли в значительной степени

утрачивает свою управомочивающую природу и становится инструментом не выбора применимого правопорядка, а инструментом для конкуренции таковых.

*Е. О. Богданович, магистр юрид. наук
БГЭУ (Минск)*

К ВОПРОСУ ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗАВЕЩАНИЕ»

Укрепление права частной собственности, способствовавшее преращению граждан во владельцев недвижимости, ценных бумаг и т.д., оказало значительное влияние на рост юридического значения завещания в современной Беларуси.

В действующем гражданском законодательстве Республики Беларусь содержится следующее определение: «завещанием признается волеизъявление гражданина по распоряжению принадлежащим ему имуществом на случай смерти» (ч. 1 ст. 1040 Гражданского кодекса Республики Беларусь) [1].

По определению же, сложившемуся в теории наследственного права, завещание представляет собой личное распоряжение гражданина о своем имуществе на случай смерти с назначением наследников; единственный юридически обеспеченный способ распоряжения одного полностью дееспособного гражданина своим имуществом на случай смерти. Это заявление делается в установленных законом порядке и форме и вступает в действие с момента открытия наследства [2].

По мнению С. С. Желонкина, под завещанием следует понимать юридически значимые действия физического лица (гражданина, иностранного гражданина и лица без гражданства) по распоряжению принадлежащими ему имущественными, а в ряде случаев неимущественными правами и обязанностями на случай своей смерти [3, с. 63].

Как отмечает О. Г. Строкова, завещание представляет собой правоотношение, складывающееся в целях упорядочения наследственного преемства и возникающее в связи с потребностью в осуществлении субъективного права завещателя, выражающегося в возможности распоряжения принадлежащим ему в настоящее время или в будущем на праве собственности имуществом и легализованное посредством осуществления управомоченным лицом государственно-властных полномочий, результатом которых выступает особый нетипичный акт применения права [4, с. 105].

Таким образом, анализируя термина «завещание», который встречается в юридической литературе, можно выделить два характеризующих его аспекта. Во-первых, завещание представляет собой акт волеизъявления наследодателя, его самостоятельное распоряжения на случай смерти, а во-вторых, это документ, посредством которого